

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

№ 8.
АВГУСТЪ
1912 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ VII

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Богобразова М. С. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к.
ОДОВРЕНО для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учеб. библ. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Бьялевская О. А. „Наѣль“. Стихотворенія. 40 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. заведеній и для учебн. библ. низшихъ учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Егоровъ Л. И. „Исторія воздухоплаванія“. Съ рис. Цѣна 25 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. библ. низшихъ учебн. завед.

Кондурушкинъ И. С. „Въ деревнѣ“. Разказы и сказки. Съ рисунками Цѣна 25 к.

Карроль Люисъ „Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ“. Переводъ съ англійск. Allegro. Съ рисунками. Цѣна 1 р.

Лондонъ Джэнъ. „Букъ“. Исторія одной собаки. Переводъ съ англ. Н. Манасеина. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ перепл. 75 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. библ. низшихъ училищъ.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи. Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для III—V классовъ.*

Малахіева-Мировичъ В. Г. „Золотой домъ“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ переплѣтѣ 1 р.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Манасеина Н. И. „Разказы для дѣтей“. Со многими рисунк. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библ. млад. возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи учебнч. библ. средн. учебн. завед.

Манасеина Н. И. „На Рождествѣ“. Три разказа. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплѣтѣ 80 к.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. млад. возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низ. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебнч. библ. низ. училищъ и признаано заслуживающей вниманія при пополненіи безплатныхъ народн. читал. и библ. Допущено въ ротныя библ. кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Манасеина Н. И. „Мамино дѣтство“. Разказъ изъ институтской жизни. Съ рисунок. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплѣтѣ 80 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи учебнч. библ. средн. учебн. заведеній и допущено въ учебнч. библ. городскихъ училищъ.

Манасеина Н. И. „Овсянки“. Пять разказовъ. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплѣтѣ 80 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебнч. библ. низшихъ училищъ и признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи учебнч. библ. средн. учебн. заведеній.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младш. класс. ср. уч. зав. *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Полисановъ В. П. „Воронъ.—Индѣйцы“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи.*

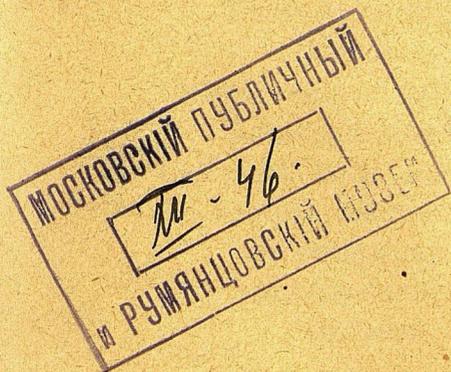
Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебнч. библ. низшихъ учебн. завед.

1912 годъ.

Августъ № 8.

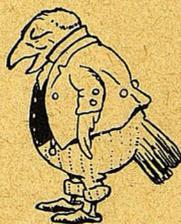
ЖУРНАЛЪ

ТРОПИНКА.

Содержаніе.

1. Лѣто—картина. *М. В. Нестерова.*
2. Лѣто—стихотвореніе. *А. Насимовича.*
3. Таинственный остров—*А. Алтаева.* (Окончаніе).
4. Знакомство съ царствомъ растений—*С. Лебедева.*
(Продолженіе).
5. За счастьемъ - съ итальянскаго *Е. Владиміровой.*
(Продолженіе).
6. Астрономическія карты—*А. Лодисъ.*
7. Историческій календарь.

Лѣто. Картина М. В. Нестерова.

Лѣто.

ВЕЧЕРНЕЙ пѣсни дѣвичій голось

Благословляетъ святое лѣто:

Оно согрѣло въ лучахъ привѣта

Поля и нивы, цвѣтокъ и колось.

Благословенно,

Благословенно

Святое лѣто!

Плоды земные даютъ щедроты.

Благословенны заботы лѣта!

Свѣтаетъ небо. Но до разсвѣта

На нивахъ желтыхъ кипятъ работы.

Благословенны,

Благословенны

Щедроты лѣта!

А. Насимовичъ.

Тайнственный островъ.

(Окончаніе).

МЫ остались стоять на вершинѣ лѣстницы, и почему-то не рѣшались итти дальше по мелкимъ ступенькамъ, винтообразно поднимавшимся къ круглой башнѣ.

Солнце пригрѣло мертвые камни; вѣтеръ занесъ въ щели живыя сѣмена, и они пустили ростки, и въ камнѣ зажглась жизнь. На верху стѣны, на зубцѣ, выросъ молодой сильный дубокъ; внизу, посреди громадной круглой залы, гдѣ съ одной стороны обвалились круглые своды, поднимался кустарникъ, а кругомъ него пробивалась яркая изумрудная трава.

— Круглая зала, Валя! — крикнула я, — да посмотри, какая громадная!

У Вали горѣли глаза. Онъ прошепталъ почти съ тоскою:

— Ахъ, хотѣлъ бы я знать, про какую нечисть сказалъ пастухъ, да еще, гдѣ здѣсь подземный ходъ...

Крошечная ящерица шмыгнула почти изъ-подъ самыхъ нашихъ ногъ и скрылась въ расщелинѣ камня.

Валя вдругъ залился серебрянымъ смѣхомъ:

— А знаешь, Рита, тутъ, навѣрно, должны быть эльфы и гномы. Вѣрно, ихъ то и считаетъ нечистью пастухъ.

Махорка обернулась.

— Это ты про гадовъ, что ли, говоришь, Валя?

Валя опять засмѣялся.

— Это... н-ну... маленькіе волшебные духи... они похожи на людей, только такіе крохотные, что могутъ жить въ цвѣтахъ. Есть гномы лѣсные, есть водяные, есть песочные... гномики—въ колпачкахъ, съ сѣдыми бородами; эльфики—

съ крылышками, такими прозра-а-чными, и поють, ахъ, какъ поють!

— Они злые, вредные, кусаются?

— Иногда злые, а иногда добрые. У меня была про нихъ интересная книжка. Я много про нихъ читалъ. Когда наступаетъ ночь, эльфы слетаются сюда, на стѣны, и звенять своими крылышками, и поють сладкія пѣсенки, и поднимаются вереницею къ небу... Луна свѣтитъ ярко, и эльфы тогда кажутся голубыми... непременно голубыми, а маленькія принцессы эльфовъ разстилаютъ свои длинные, прозрачные шарфы, и качаются на нихъ, и выютъ изъ нихъ длинную цѣпь до самой луны.

Онъ замечтался; голосъ его дрожалъ.

— А гномы, навѣрное, устраиваютъ балы въ этой круглой залѣ. Они ее всю убираютъ мохомъ, дѣлаютъ изъ моха мягкіе диванчики; вмѣсто фонарей обвѣшиваютъ стѣны свѣтляками... Кузнечики играютъ имъ на скрипкахъ, а эльфы пляшутъ, пляшутъ... А когда они устанутъ, то отдыхаютъ на моховыхъ диванчикахъ и освѣжаются чуднымъ питьемъ изъ росы и пвѣточныхъ соковъ...

Голосъ Вали понизился:

— И балъ длится до утра, если не приходятъ враги: шлепнетъ сѣрая, гадкая жаба или влетятъ летучая мышь съ совою, — это все вѣдьмы, все злыя колдуньи...

— Ну, еще про сову то я слыхала отъ людей, а то жаба... нашель, кого бояться! Она и скакать то шибко не умѣетъ! Такъ это то и есть твоя нечисть?

Валя ничего не отвѣтилъ и съ негодованіемъ отвернулся.

— Пойдемъ къ лодкѣ, — сказалъ онъ рѣзко.

— Куда? домой? — закричала я въ волненіи, — а вотъ дверца! Не окошко, а дверца!

Я указывала Валѣ на дыру у самой земли направо. Онъ забылъ обиду и бросился впередъ, крича:

— Да, вѣдь, это же—подземный ходъ!

Всѣ трое мы стояли у входа въ какую-то яму. Неясно обозначались каменные ступени. Дальше былъ мусоръ и тьма.

— Ты боишься?—спросилъ Валя.

Я покачала головою, а Махорка рѣшительно заявила:

— Кабы знать, что нѣтъ гадовъ... а то хватить змѣя за ногу,—распухнешь и помрешь.

Валя засмѣялся, а я, чтобы не уронить себя въ его глаза, первая спустилась внизъ. Но едва я сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ по поясъ провалилась въ мусоръ. Двигаться дальше было невозможно. Я сказала:

— Давай-ка руку, Валя. Боюсь провалиться съ головою, здѣсь ходъ идетъ далеко подъ землю. Завтра придемъ сюда съ лопатами и расчистимъ.

— Здѣсь навѣрное кладъ,—заявилъ убѣжденно Валя.

IV.

Царство эльфовъ и гномовъ.

„Слушайте! началъ снова индѣецъ.—Когда отцы Магуа вырыли томагавки изъ земли, то онъ поднялъ оружие противъ своихъ же соотечественниковъ. Блѣднолицые прогнали краснокожихъ изъ ихъ охотничьихъ угодій и, если они и теперь сражаются, то ихъ ведетъ бѣлый..“

Валя остановился, держа палецъ на страницѣ романа Фенимора Купера „Послѣдній изъ Могиканъ“.

Мы съ нимъ читали этотъ романъ запоемъ, а потомъ играли въ индѣйцевъ на „таинственномъ островѣ“.

Мы лежали съ Валей на лужкѣ, подъ навѣсомъ сарая, возлѣ насъ, высунувъ языкъ отъ жары, лежалъ нашъ любимецъ Мартынь, черный съ бѣлыми пятнами пойнтеръ, который пріѣхалъ съ нами съ юга. Поднявъ морду, онъ какъ будто слушалъ.

— „Старый вождь съ Горикана,“ продолжалъ Валя, меня удивило, что онъ на этотъ разъ такъ вяло читаетъ,— „вашъ отецъ, былъ великимъ предводителемъ нашихъ воиновъ“...

Онъ остановился.

— Послушай, Рита, Махорка все еще не можетъ ѣхать на таинственный островъ?

— Не можетъ.

Валя лукаво сощурился.

— А ты грести безъ нея съумѣешь?

Я кивнула головою.

— Да зачѣмъ это тебѣ?

— Поѣдемъ безъ нея, только потихоньку!

Его губы такъ и прыгали отъ смѣха.

Мы прошли мимо кухни съ самымъ невиннымъ видомъ. Махорка сидѣла возлѣ порога и чистила картошку, укладывая ее въ огромную кастрюлю.

— Можетъ, мы поѣдемъ на островъ?— спросилъ Валя невиннымъ тономъ.

Вмѣсто отвѣта Махорка мрачно потрясла въ воздухѣ кастрюлей.

— Жаль,—вздыхнулъ Валя,— безъ тебя некому грести. Ну, такъ пойдѣмъ къ Ивановымъ, Рита, тамъ поиграемъ въ крокетъ.

Это была довольно чопорная семья сосѣднихъ дачниковъ къ которымъ для Махорки былъ закрытъ ходъ.

Обогнувъ кухню, Валя шопотомъ сказалъ:

— Послушай, Рита, у тебя есть какія-нибудь бусы, стекляшки, что ли, бездѣлушки, ну, что-нибудь этакое?

Я повела его въ чуланъ, гдѣ въ старомъ ящикѣ были на лѣто сложены всѣ мои игрушки. Зимою я много играла въ игрушки, хотя, въ сущности, это были не тѣ обычныя игры, знакомыя всѣмъ дѣвочкамъ. Мои куклы не были барынями и не ѣздили въ гости; онѣ были принцессами, пажами, рыцарями; ихъ увозили тайно въ чужіе замки; онѣ попадали въ плѣнъ къ разбойникамъ, онѣ чахли въ неволѣ и всѣ поголовно отдали свои сердца красавцу-пажу, котораго изображалъ у меня всегда одинъ и тотъ же мальчикъ въ матросской курткѣ, съ фарфоровой кудрявой головкой.

Когда я открыла ящикъ, Валя презрительно сморщилъ носъ.

— Куклы...—протянулъ онъ,—ты все еще играешь въ куклы?

Я покраснѣла до корня волосъ.

— Во-первыхъ, я давно уже не играю,—сказала я обиженнымъ тономъ,—во-вторыхъ, и ты со мною игралъ въ прошломъ году...

— Въ прошломъ году! Ну, да, когда я былъ маленькимъ... и когда я былъ Валею Дубецкимъ, а теперь я—знаменитый охотникъ — краснокожій, Соколиный Глазь, вождь сильнаго племени, обладатель безчисленныхъ скальповъ. А ты все еще—дѣвочка.

У меня на глаза выступили слезы отъ обиды. Я смотрѣла на него и думала о томъ недавнемъ времени, когда онъ былъ такой хрупкій и маленькій, жался ко мнѣ и плакалъ у меня на плечѣ, и я могла даже поднимать его.

Но Валя, не обращая на меня вниманія, рылся въ ящикѣ моихъ сокровищъ. Онъ вытаскивалъ бусы, которыя я бросила

въ ящикъ, досталъ нѣсколько блестящихъ пуговокъ, потомъ кусочки шелковыхъ тканей, и все это спряталъ въ карманъ.

Съ этими сокровищами мы пошли къ рѣкѣ.

До сихъ поръ мы ежедневно бѣгали по острову, къ изумленію пастушонка, разукрашенные перьями, съ громадными гребешками изъ перьевъ, идущими отъ головы на спину, и носили имена Соколиного Глаза, Магуа или Остроглазой Лисицы и Чингакгука и ненавидѣли „блѣднолицыхъ“, то-есть, коровъ, предводителемъ которыхъ былъ блѣдный мальчикъ-пастухъ.

Мы размахивали самодѣльными томагавками, неистово кричали, воображали, что беремъ плѣнниковъ, что сражаемся за свободу своихъ краснокожихъ братьевъ, а мальчикъ-пастухъ тарашилъ на насъ глаза и, вѣроятно, думалъ, что мы—сумасшедшіе.

Я спросила:

— Что хочетъ предпринять Соколиный Глазъ?

Валя обратился къ самому себѣ съ рѣчью на языкѣ Купера.

— Слушай, Соколиный Глазъ, и уши твои не напьются лжи. Чингакгукъ вѣритъ въ индѣйцевъ, но не вѣритъ въ гномовъ и эльфовъ, и надо ему показать ихъ доблести.

Онъ сталъ на колѣни и началъ осторожно выдавливать пальцемъ слѣды во влажной землѣ, какъ будто здѣсь шли чьи-то маленькія ножки. Слѣды-ямочки терялись въ кустарникѣ, потомъ снова открывались и тянулись къ самымъ развалинамъ. Здѣсь, въ разсѣлинѣ камня, Валя сложилъ все свое имущество—кусочки шелковой ткани, бусинки.

— Это—складъ, кладовая гномовъ, песочныхъ гномовъ,—добавилъ онъ.—Пусть-ка завтра посмотритъ Махорка!

Когда мы вернулись домой, я тихонько пробралась въ кладовую и въ темнотѣ разложила на полу всѣ мои куклы.

Всю зиму мы съ Махоркой играли въ нихъ, не смотря на то, что мнѣ было уже одиннадцать лѣтъ, и я еще недавно втайнѣ лелѣяла мысль, что и съ Валею буду играть въ дождливые дни. Благодаря кукламъ, Махорка отлично знала, что такое „рыцарь“, „пажъ“, „королева“, „замокъ“, „щитъ“, „мечъ“ и прочія мудреныя словечки.

Теперь я брала въ руки поочередно всѣхъ моихъ куколъ, долго разглядывала, а потомъ бережно уложила въ ящикъ. Въ головѣ моей вертѣлась обидная фраза Валея: „а ты все еще—дѣвочка“, и я рѣшила разстаться съ куклами, чтобы не терпѣть больше оскорбленій отъ мальчика, на котораго еще такъ недавно смотрѣла сверху внизъ.

Особенно жалко мнѣ было двухъ куколъ: одну—самую нарядную принцессу, въ голубомъ атласномъ платьѣ съ длиннымъ шлейфомъ; за нее отдавали свою жизнь сотни рыцарей; другую—бѣдную восковую куклу, которая была прежде красавицей и называлась Бѣляночкой, а послѣ оспы получила обидное прозвище Хомяки и должна была поступить въ монастырь. Въ сущности, въ этомъ была виновата вовсе не оспа, а я сама, когда выставила свою восковую красавицу неосторожно на солнце, и личико ея обтаяло отъ солнечныхъ лучей.

Глядя на нее, я вздохнула, покачала головой и тихо прошептала:

— Прощай, мое дѣтство!

А потомъ, пріоткрывъ дверь чулана и убѣдившись, что Валея нѣтъ вблизи, я позвала:

— Махорка! Махорка!

Она пришла, вся перепачканная ваксой, съ сапогомъ на одной рукѣ.

— Возьми,—сказала я коротко съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Что взять то? некогда мнѣ играть теперь въ куклы, — развѣ не видишь!

И Махорка съ сердцемъ отвела отъ лица вихорь непослушныхъ жесткихъ волосъ, оставляя на щекѣ длинный черный слѣдъ отъ ваксы.

Я выдвинула ящикъ въ полосу свѣта и толкнула его ногой.

— Да возьми же! — крикнула я, чуть не плача, — я не маленькая... я... я давно учу склоненія и спряженія... я знаю и разныя страны и... мнѣ совсѣмъ неинтересно играть въ куклы!

Махорка посмотрѣла удивленно, высоко поднявъ вверхъ сапогъ.

— Это — мнѣ? Всѣ куклы мнѣ? И принцесса и Хомяка?

— Ну, да, тебѣ, тебѣ!

— Вотъ такъ штука! — развела руками Махорка и потянула за край ящика.

V.

Страхи.

Ночь была темная, и съ галлерейки, окружавшей нашу дачу, видна была безконечная черная пелена неба, полная мерцающихъ золотыхъ точекъ.

Мама уѣхала въ городъ по дѣламъ на два дня; мы всѣ трое воспользовались этимъ случаемъ и тайно сговорились провести эту ночь втроемъ на галлерейкѣ, чтобы посмотрѣть на падающія звѣзды, на разсвѣтъ, а главное, — чтобы рассказать другъ другу побольше страшныхъ исторій.

Теперь, выбравшись изъ дома потихоньку, мы лежали тихо, не шелохнувшись, пока не догадались, что всѣ наши уже заснули. Въ окнахъ не было видно ни одного огонька.

Я почувствовала прикосновение чьих-то теплых пальцев, пахнувших не особенно приятно лукомъ.

— Махорка, ты?

— Я. Ты не спишь? А ты, Валя? Придвиньтесь ближе... Мы сдвинулись всё въ сплошную кучу, тѣсно прижались другъ къ другу.

— Давайте шептаться..

Въ потемкахъ у Махорки свѣтились глаза. Она была очень оживлена, потому что сегодня ѣздила въ лодкѣ на островъ, видѣла слѣды, сдѣланные пальцемъ Вали, и повѣрила и въ гномовъ, и въ эльфовъ. А до сихъ поръ изъ „нечисти“ она вѣрила только въ домового, лѣшаго, вѣдму и русалокъ.

— Давайте рассказывать страшное,—предложила Махорка.—Я знаю та-акую исторію... та-а-кую...

— Говори, ну же, говори!

И, обладавая насъ луковымъ запахомъ, дыша намъ въ лицо, Махорка начала старую степную легенду о Пятницѣ, привезенную сюда съ юга. Это было народное повѣрье о какой-то таинственной Пятницѣ, которая будто бы не позволяла расчесывать волосъ и мести полъ въ канунъ своего пятничнаго дня.

Наконецъ Махорка замолчала, робко глядя на звѣзды. Молчали и мы.

— Сказываютъ, будто тамъ тоже чуда бродить.

Она указала въ сторону рѣки.

— На Миссури?—спросилъ Валя, даже въ такія минуты не забывавшій названій, данныхъ имъ мѣстамъ, гдѣ мы играли.

— Въ замкѣ...

Валя встрепенулся.

— Чудо? Какое чудо?

Мы смотрѣли въ сторону рѣки. Съ галлерейки было видно далеко, и въ темнотѣ ясно сіяла огнистая точка на островѣ. Должно быть, тамъ пастухи жгли костеръ въ ночномъ.

Но Махорка говорила другое:

— Сказывала мамушка, будто тамъ чуда ходитъ въ замкѣ бѣ-блая... ходитъ и плачетъ... будто графиня какая она, аль другая барыня... и будто тамъ мужъ ее замураваль въ стѣну... ну, та выходитъ ночью и плачетъ, и руки ломаетъ, и ищетъ чего-то...

У меня замерло сердце. Я уже видѣла красавицу-графиню въ столбѣ голубого луннаго свѣта со слезами въ прекрасныхъ очахъ.

— Ты что думаешь. Рита?—спросилъ меня шопотомъ Валя.

— Я думаю... ее бы увидѣть... освободить...

Махорка прыснула отъ смѣха.

— Тоже, выдумала! развѣ чуду освобождаютъ? Чуда поганая! Ее, спаси Богъ...

— А я не боюсь!—сказала я вдругъ громко.

Валя схватилъ меня за плечо.

— Не боишься?

— Не боюсь! — повторила я, хотя сердце мое замирало при одной мысли о походѣ къ развалинамъ. Но отступить было уже поздно: лучше умереть, чѣмъ позволить смѣяться надъ собою Валѣ, уже развѣ назвавшему меня презрительно дѣвченкой.

— И ты пойдешь туда одна?

— Пойду.

— Ночью?

— Ночью.

— Твоей мамы завтра не будетъ дома... — соображалъ Валя.— Такъ завтра пойдешь?

— Ну, что же, хоть и завтра...

У Вали уже созрѣлъ планъ.

— Завтра, значить, убѣжимъ пораньше... будто спать... а сами на лодку... Мы тебя у лодки будемъ ждать, а ты пойдешь къ замку... Не раздумашь?

— Не раздумую!

— А можетъ, она гдѣ постоитъ за кустомъ да и скажетъ, что была въ замкѣ?

Валя придумалъ:

— Пусть она принесетъ намъ лопату изъ круглой залы, ту, которой мы раскапываемъ подземный ходъ.

Я кивнула головою и со страхомъ посмотрѣла въ сторону, гдѣ былъ островъ. Тамъ зловѣщимъ свѣтомъ сіялъ огонь костра. Вверху сверкали звѣзды и плыла полная золотая луна.

VI.

Бѣлое привидѣніе развалинъ.

Лодка, шурша краемъ о камыши, врѣзалась въ топкій берегъ „таинственнаго острова“.

— Ну, Лиденброкъ, ты не боишься?

Услышавъ свое любимое старое прозвище, я встрепенулась.

— Я, Стѣрнъ, то-есть, Соколиный Глазь, не боюсь... только вы оба почаще подавайте мнѣ голосъ...

— Хорошо. Но, какъ предводитель индѣйцевъ, я дамъ тебѣ амулетъ, сохраняющій тебя отъ злого рока: отъ укуса змѣи, отъ гнѣва подземныхъ силъ, и вручаю судьбу твою покровительствующимъ намъ духамъ.

Онъ далъ мнѣ какой-то корешокъ, кажется кусочекъ простого хрѣна, стащеннаго на кухнѣ, и послѣ дружескихъ объятій Вали и Махорки, съ отвагой въ сердцѣ раздвинула я чашу ивняка. Въ душѣ моей горѣло могучее чувство, звавшее меня на великій подвигъ.

Луна плыла высоко надо мною. Кругомъ было темно; должно быть, въ эту ночь пастухи собирались съ конями гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Во мглѣ тонули кусты, и только поверху ихъ серебрилъ таинственный, голубоватый лунный свѣтъ, и въ этомъ свѣтѣ кружевные своды вѣтвей принимали призрочныя очертанія: то спускались внизъ, точно гигантскіе змѣи-удаваы, то протягивались впередъ цѣпкими щупальцами чудовищныхъ осьминоговъ, то кивали уродливыми головами съ длинными космами волосъ, спускавшимися до самой земли. И, когда я пробиралась сквозь чашу, казалось, чьи-то цѣпкія руки хватаютъ меня за платье.

Было душно отъ страха, и потъ градомъ катился съ моего лба, но я шла все впередъ, прижимая къ груди корешокъ Соколинаго Глаза.

Позади звучали голоса Махорки и Вали:

— О-го-го!

— А-а-а!

— Мы здѣсь!

Я не рѣшалась имъ отвѣтить. Было до того жутко, что уста не разжимались; горло стискивала судорога; казалось, отъ звука собственнаго голоса можно тутъ же умереть со страха. Внизу, въ травѣ, слышался таинственный шорохъ, и чудилось, высокая нескошенная трава полна змѣями, и казалось, и воздухъ, и кусты полны неясныхъ, жуткихъ шороховъ, шопотовъ и тайнъ. Росистая трава вымочила мнѣ туфли и чулки насквозь. Гдѣ-то вдали, на колокольнѣ деревенской церкви, пробило полночь.

Всѣ легенды, всѣ сказки и повѣрья, слышанныя мною отъ няньки, прислуги, читанныя въ книжкахъ, выплыли передо мною ярко и отчетливо. Впереди, въ травѣ, тамъ и сямъ сверкали зеленоватымъ свѣтомъ огоньки ивановыхъ червячковъ: то вѣдьмы разбросали по дорогѣ на шабашъ кусочки звѣзды, разбившейся гдѣ-то въ дремучемъ лѣсу, возлѣ заколдованнаго замка.

Позади, у самой рѣчки, однотонно кричалъ коростель.

Частые кричающіе звуки казались особенно грустными въ тишинѣ. А мнѣ чудились въ этой тишинѣ самые разнообразныя звуки. Они росли, и съ ними вмѣстѣ выросталъ мой ужасъ. Гдѣ-то обломилась вѣтка и упала; съ нею вмѣстѣ упало и мое сердце.

И вотъ, я увидѣла цѣль моего похода—развалины. Онѣ были совсѣмъ близко, озаренныя мягкимъ луннымъ свѣтомъ, но оставалось еще пройти старое заброшенное кладбище. Я помню, какъ-то днемъ мы бродили здѣсь, смотрѣли кресты, старались прочесть стершіяся надписи на ушедшихъ въ землю плитахъ, и Валя говорилъ мнѣ:

— Не будь я Соколиный Глазъ, если подъ этими плитами не спятъ враги, павшіе отъ рукъ краснокожихъ!

Другого пути къ развалинамъ не было.

На минуту мнѣ захотѣлось непременно вернуться, но я сейчасъ же прогнала эту мысль. Вернуться,—это значило сознаться въ своемъ малодушіи, прослыть трусихой въ глазахъ товарищей.. никогда!

Въ лунныхъ лучахъ старые кресты отбрасывали жуткія тѣни. Одинъ сломался и сгорбился, какъ человѣкъ. Кустъ сирени, выросшій между могилами, тянулся впередъ, какъ будто двѣ женщины обнялись и протягиваютъ ко мнѣ руки. Впереди бѣлѣла могильная плита; лунные лучи скользили по

ней. Мнѣ разомъ вспомнилась сказка Андерсена „Дикіе Лебеди“. Элиза идетъ на кладбище, чтобы нарвать крапивы на послѣднюю рубашку, снимающую чары съ заколдованнаго брата-лебедя. Такъ говорилось въ старой милой сказкѣ, которую я знала почти наизусть. И я теперь совершаю подвигъ храбрости, подобно Элизѣ. И я рѣшительно вступила на тропинку, которая змѣилась между могилами, а потомъ не выдержала и со всѣхъ ногъ пустилась впередъ, стараясь не оглядываться, не слышать, не думать, слыша только, какъ мучительно бьется сердце, готовое, кажется, выпрыгнуть изъ груди.

Вѣтки хлестали мнѣ лицо; отъ сильнаго бѣга, вѣтеръ визжалъ мнѣ въ уши, а можетъ быть, это вѣдьмы смѣялись и шипѣли... Господи, Господи! только пронеси! Не надо смотрѣть на старые кресты... не надо спотыкаться... впередъ, впередъ! Позади кто-то гонится... Господи, пронеси! Не надо смотрѣть по сторонамъ... уфъ!

Кладбище осталось позади. Только въ груди и боку была невыносимая боль отъ бѣга; нечѣмъ было дышать, и сердце мучительно билось.

Передо мною бѣлѣли, всѣ облитыя луннымъ свѣтомъ, развалины замка. Дубки на верху стѣны казались сказочными чудовищами: здѣсь былъ и змѣй съ двѣнадцатью головами, и страшный медвѣдь, и Кашей Безсмертный. Но я знала хорошо, что на стѣнѣ дубки, и старалась себя успокоить. Страшное было впереди. Въ просвѣтѣ стрѣльчатаго окна ясно виднѣлась круглая зала.

Не смотря на страхъ, я залюбовалась ею. Лунные лучи творили съ развалинами чуда: они скользили по стѣнамъ, и выступы камней принимали причудливыя очертанія; какъ темная пасть, зіяло отверстіе подземнаго хода, и тамъ,

гдѣ тѣнь была гуще, на травѣ, свѣтлыми точками разсыпались ивановы червячки.

Въ призрачномъ лунномъ свѣтѣ, развалины были особенно величавы. Груда камней, обрушившаяся со сводовъ, казалась трономъ съ высокою рѣзною спинкой и балдахинномъ. Я смотрѣла на этотъ тронъ, не отрываясь. Я ждала видѣній. Но эльфовъ не было въ этотъ часъ, и летучія мыши съ совами не явились испортить имъ праздникъ. Я сейчасъ должна была увидѣть „ее“, графиню, которая плачетъ, ломаетъ руки и ищетъ чего-то каждую лунную ночь... Двинуться ли мнѣ впередъ, ей на встрѣчу? Спуститься ли по старой знакомой стѣнѣ, по выступамъ камней, гдѣ мы такъ часто лазали? Я похолодѣла отъ ужаса. Со стороны берега слабо звучали знакомые голоса:

— Мы здѣсь! здѣсь!.. э-э-э!

Я крѣпче прижала къ груди корешокъ-амулетъ Соколинаго Глаза и рѣшительно ступила на громадный камень, гдѣ мы обычно спускались въ залу.

И вдругъ я ясно увидѣла, какъ съ трона поднялось что-то длинное, бѣлое, заколебалось, какъ будто кланялось, и въ неясныхъ очертаніяхъ его я различила голову съ длинными волосами и короной. Легкія складки платья падали у видѣнія до самой земли; голова была наклонена, и руки протянуты впередъ, какъ будто женщина чего-то искала.

Безумный ужасъ приковалъ меня къ мѣсту, я не сводила глазъ съ привидѣнія и не въ силахъ была не только двинуться, но опустить вѣки. А привидѣніе медленно плыло впередъ, мнѣ навстрѣчу...

Ноги мои приросли къ камню; сердце перестало биться; я ждала и чувствовала, что умираю.

И вдругъ, когда бѣлая женщина была уже совсѣмъ близко

отъ меня, я ясно поняла, что это скользитъ лунный лучъ, голубой, призрачный, ползая по стѣнѣ привидѣніемъ въ длинной одеждѣ съ короной на головѣ.

У меня отлегло отъ сердца. Такъ вотъ она, графиня, которую мужъ замуравалъ въ стѣну замка!

Я уже храбрѣе спустилась внизъ, взяла лопату и пошла назадъ. Но, къ моему изумленію, возвращеніе назадъ было не только не легче, но гораздо мучительнѣе, чѣмъ походъ за привидѣніемъ. Натянутые нервы не выдержали и, сколько я себя ни уговаривала, сколько ни твердилъ мнѣ разумъ о томъ, что въ развалинахъ нѣтъ ничего таинственнаго, страшнаго,—нѣтъ даже призрачныхъ добрыхъ эльфовъ,—мнѣ все казалось, что за мною кто-то гонится.

И, сломя голову, ураганомъ понеслась я впередъ, перескакивая черезъ камни, спотыкаясь, и видъ кладбищенскихъ крестовъ впереди казался мнѣ еще болѣе ужаснымъ, чѣмъ вначалѣ. Я не въ силахъ уже была больше бѣжать; ноги подгибались; голова кружилась; я задыхалась...

До меня донесся въ это время топотъ чьихъ-то ногъ и тонкій окрикъ:

— О-го-го!

Изъ-за кустовъ, изъ-за стараго креста, что-то метнулось мнѣ на встрѣчу, высокое, тонкое, съ человѣческой головою, съ протянутыми руками... Я не выдержала, громко вскрикнула и упала... Мнѣ казалось, что я лишаюсь сознанія...

Но это было одну только минуту.

— Рита... это я... Валя... и Махорка...—шелестѣлъ около моего уха знакомый голосъ.

Я поднялась. Перепуганный, блѣдный, Валя стоялъ передо мною. Боясь за меня, онъ уговорилъ Махорку итти мнѣ

на встрѣчу и теперь, въ разстройствѣ чувствъ, забылъ даже, что его зовутъ Соколинымъ Глазомъ или Стэрномъ.

Я встала, сконфуженно улыбаясь и потирая ушибленное колѣно. Мнѣ не хотѣлось сознаться въ своей трусости.

— Здѣсь такъ темно, милый Стэрнъ,—сказала я, хотя луна свѣтила во всю,—что я наткнулась и упала.

И я показала на почти выросшую въ землю плиту.

— Знаешь, Лиденброкъ,—прошепталъ Валя, чуть замѣтно пугливо оглядываясь, побѣжимъ-ка скорѣе къ лодкѣ, а то... какъ бы насъ не хватились...

— Побѣжимъ, побѣжимъ, милый Стэрнъ!

И мы бросились бѣжать съ кладбища.

Уже въ лодкѣ Валя спросилъ:

— Ты ее видѣлъ?

— Кого?

— Ее... графиню?

— Никакой тамъ нѣтъ графини,—все глупости,—отрѣзала я и презрительно пожала плечами.

— Налегая на весла, Махорка сказала:

— Ну, да, еще что! Она, можетъ, тамъ вовсе и не была... Чтобы ее, чуды, не было... небось, всѣ видятъ... какъ мѣсяцъ засвѣтитъ, такъ она и выходитъ...

Вмѣсто отвѣта, я бросила на дно лодки лопату.

— На, смотри!

Лопата звонко стукнула о лодку.

И, чтобы сказать что-нибудь обидное и изъ себя сдѣлать еще болѣе героиню, я крикнула задорно:

— А вы то оба испугались... съ кладбища... ха, ха, ха... съ кладбища какъ уносили ноги...

Махорка стиснула зубы, готовая меня поколотить, и сильнѣе

налегла на весла. Валя отвернулся, едва сдерживая слезы. Всѣ трое молчали.

Мнѣ стало жаль Валу. Когда мы вышли изъ лодки, я обняла его за шею и тихо, ласково шепнула:

— А что, Соколиный Глазь, ты теперь не станешь никогда называть меня дѣвчонкой?

Онъ обернулся ко мнѣ и прошепталъ дрожащими губами:

— А что... можетъ быть... можетъ быть, ты... хочешь теперь... вмѣсто меня... быть Соколинымъ Глазомъ?

Я великодушно отказалась отъ этой чести, чувствуя себя и безъ того героиней.

Но странно,—съ этого дня развалины и таинственный островъ потеряли для насъ половину той прелести, которую имѣли, когда мы еще такъ свято вѣрили въ ихъ чудеса.

Впрочемъ, и Валя скоро уѣхалъ домой.

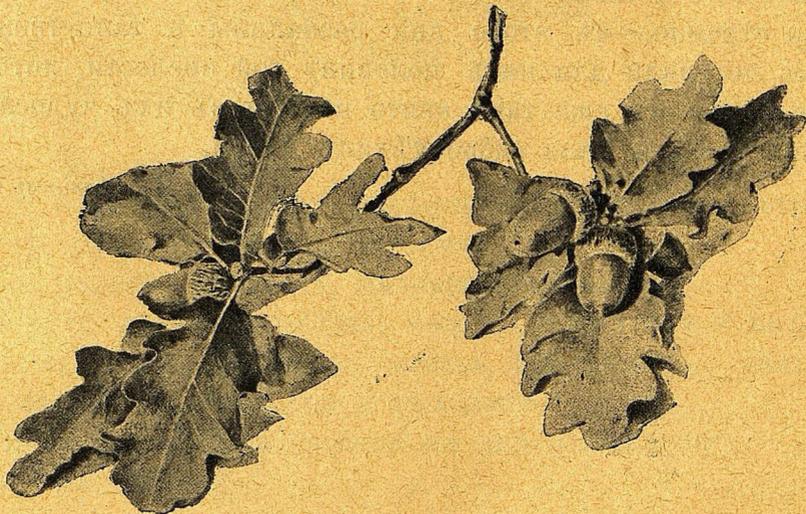
Ал. Алтаевъ.

Знакомство съ царствомъ растений.

VI.

Въ лѣсу.

ПОЛДНЕВНАЯ томительная жара въ концѣ іюля. Гдѣ же найти намъ прохладу и тѣнь? Конечно въ знакомомъ намъ лѣсу, вонъ тамъ, за одинокимъ красивымъ дубомъ (*Quercus pedunculata*), который указываетъ намъ путь къ листовенному лѣсу, расположенному за холмомъ, въ лощинѣ.

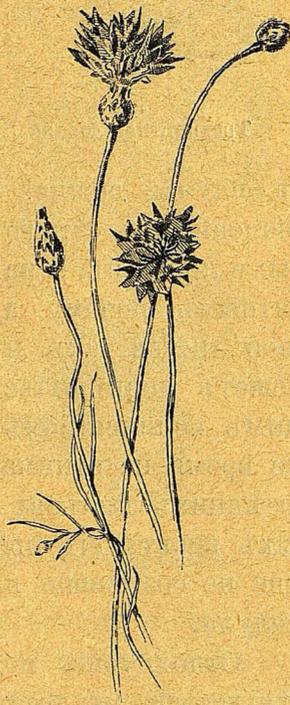
Вѣтка дуба съ желудями.

Пыльная дорога идетъ полемъ, засѣяннымъ рожью. Ея длинныя, узкія листья и золотистые колосья жадно тянутся къ свѣту, чтобы возможно болѣе приготовить и отложить запасовъ пищи въ зрѣющія сѣмена. Легкій вѣтерокъ слегка

Рожь.

колышетъ ниву и образуетъ красивыя плавныя волны на ея поверхности, которыя медленно удаляются отъ насъ по направленію къ лѣсу. Тамъ и сямъ, среди ржи (*Secale cereale*), мелькаютъ синіе васильки (*Gentaurea cyanus*). Есть какая-то тайная дружба между василькомъ и рожью: гдѣ только есть рожь, тамъ непременно и василекъ; они вмѣстѣ здѣсь коротаютъ свою жизнь, какъ будто шепчутся о чемъ-то все лѣто между собою. Тайна этой дружбы, повидимому, объясняется тѣмъ, что сѣмена василька попадаютъ вмѣстѣ съ сѣменами ржи при посѣвѣ: когда сѣятель сѣетъ свою будущую ниву, онъ разбрасываетъ зародыши и этихъ постоянныхъ спутниковъ ржаного поля. Мы начинаемъ разсматривать цвѣтокъ василька и замѣчаемъ, что передъ нами не одинъ цвѣтокъ, а, также, какъ у его родственниковъ, одуванчика, ромашки и прочихъ, много мелкихъ цвѣтотъ, собранныхъ вмѣстѣ въ соцвѣтіе—корзинку. Кромѣ василька, здѣсь встрѣчаются: трехцвѣтная фіалка (*Viola tricolor*), родоначальница нашихъ садовыхъ „анютиныхъ глазокъ“, и всѣмъ извѣстная ромашка. На самой дорогѣ растетъ подорожникъ (*Plantago major*), съ розеткой крупныхъ, почти круглыхъ листьевъ у самой земли и длинными

Васильки.

Трехцвѣтная фіалка.

на случай дожда! Мы вспоминаемъ значеніе солнечнаго свѣта для зеленыхъ листьевъ, и намъ становится понятнымъ, почему дубъ расположилъ свои листья такъ, что каждый листъ можетъ пользоваться возможно большимъ количествомъ свѣта и въ то же время не отнимать этого свѣта у сосѣднихъ листьевъ. Мѣстами на вѣтвяхъ висятъ его оригинальные, пока еще не созрѣвшіе плоды — красивые желуди.

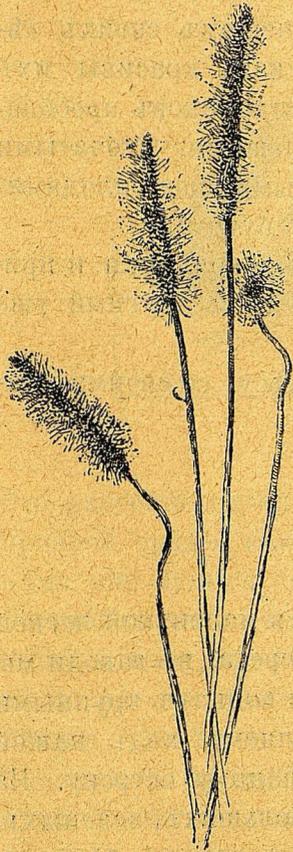
Отдохнувши подь гостепріимной тѣнью дуба, мы быстро спускаемся по склону холма въ неглубокую лощину,

сѣроватыми колосками цвѣтовъ. Разсматривая эти растенія, мы незамѣтно подходимъ къ нашему дубу, который гостепріимно развѣсилъ лиственный шатеръ и манить насъ своей прохладной тѣнью. Мы дѣлаемъ нѣсколько послѣднихъ шаговъ, и, усталые отъ жары и пыльной дороги, ложимся у его корней. Какъ хорошо здѣсь, подь этимъ зеленымъ шатромъ! Если посмотрѣть вверхъ, такъ неба почти не видно надъ головой, — настолько густы его листья. Прекрасная крыша

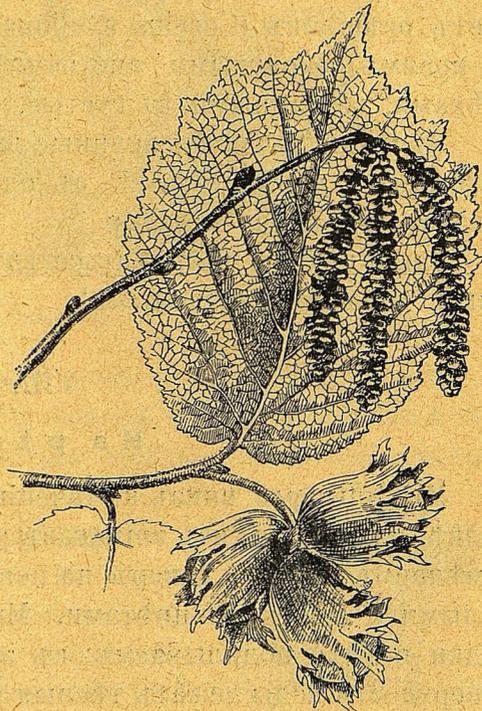

Подорожникъ.

покрытую прекраснымъ лиственнымъ лѣсомъ. Здѣсь тоже прохлада и тѣнь. А какое богатое разнообразіе деревьевъ, кустарниковъ и разныхъ мелкихъ травянистыхъ растений! Преобладаетъ здѣсь дубъ; затѣмъ бѣлоствольная береза (*Betula perricosa*), которая весной была украшена длинными сереж-

Цвѣты подорожника.

Листъ, цвѣтъ и плодъ орѣшника.

ками съ одними тычиночными цвѣтами, а теперь несетъ красивыя группы плодовъ, собранныхъ вмѣстѣ на подобіе шишечки. Мы беремъ въ руки нѣсколько такихъ плодовъ и ближе ихъ разсматриваемъ. Какое прекрасное приспособленіе для рас-

пространія сѣмянъ при помощи вѣтра! Вѣдь каждое сѣмячко со своимъ плодомъ по формѣ — почти что птица съ распростертыми крыльями. Мѣстами попадаются одинокіе клены (*Acer platanoides*) съ красивыми, разсѣченными листьями; они тоже теперь заняты распространіемъ своихъ сѣмянъ при помощи вѣтра. Посмотрите, какъ красивы ихъ плоды—крупныя двухкрылатки. Среди кустарниковъ преобладаетъ орѣшникъ (*Corylus avellana*) съ большими, зубчатыми по краямъ, округлыми листьями и зелеными еще плодами-орѣхами, собранными въ густые, красивые букетики.

Мѣстами качаются крупныя лиловые колокольчики и привѣтствуютъ насъ, вмѣстѣ съ одуванчикомъ и другими уже извѣстными намъ цвѣтами.

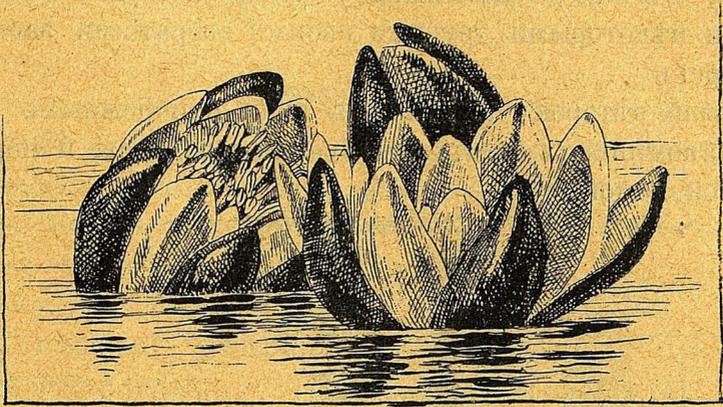
Какъ пріятно встрѣтиться здѣсь, въ лѣсу, со своими старыми, хорошими знакомыми!

VIII.

Н а р ѣ к ѣ.

Мы плывемъ внизъ по теченію рѣки, въ маленькой легкой лодкѣ. Въ одномъ изъ зигзаговъ рѣки, у берега, въ заводи мы замѣчаемъ зеленый коверъ на поверхности воды съ крупными бѣлыми и желтыми цвѣтами. Мы замедляемъ ходъ нашей лодки и тихо подплываемъ къ этому зеленому острову. На поверхности воды лежатъ тѣсныя группы большихъ, зеленыхъ, почти круглыхъ листьевъ; между ними красивыя бѣлыя и желтыя цвѣты. Это два близкихъ родственника: бѣлая лилія или нимфея (*Nymphaea alba*) и желтая кувшинка или болоболка (*Nuphar luteum*). Разсмотрѣвши ихъ крупныя цвѣты, въ которыхъ очень ясно замѣтны всѣ части, мы пробуемъ достать одинъ изъ нихъ изъ воды; но это оказывается очень

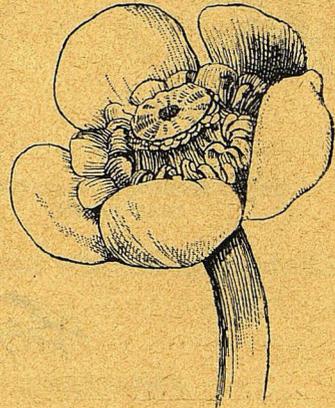
труднымъ: толстые, длинные, полые внутри стебли, какъ веревка, крѣпки и, какъ на якорѣ, прочно держатся за корень, который хорошо, видимо, укрѣпился на днѣ рѣки.

Водяныя лиліи.

Это растеніе хорошо приспособилось къ жизни въ такой капризной средѣ, какъ рѣка: со всякой бурей, со всякими волнами оно будетъ смѣло бороться; напору волнъ оно противопоставитъ свой гибкій, не поддающийся излому, прочный стебель, держась на которомъ, его цвѣты и листья развѣ только покупаются, поныряютъ въ водѣ и опять, послѣ бури, будутъ спокойно красоваться подъ лучами солнца.

У самага берега рѣки, наше вниманіе привлекаетъ цѣлый рядъ зеленыхъ обитателей, частью поднимающихся изъ воды, частью выходящихъ на берегъ. Мы дѣлаемъ

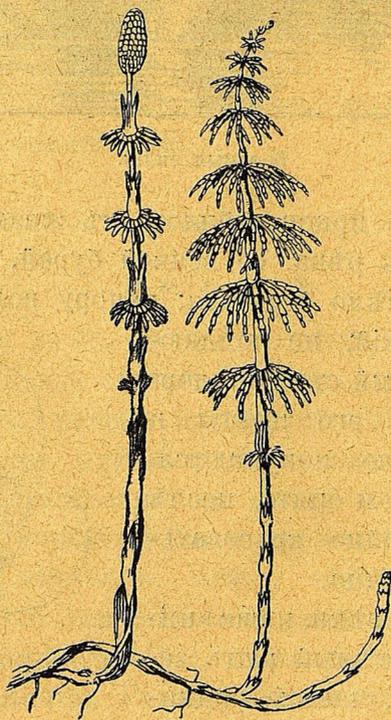

Кувшинка желтая.

нѣскольکو ударовъ веслами и врѣзываемся въ зеленую чашу. Здѣсь густыя заросли камыша (*Scirpus lacustris*) — съ сѣрвато-бурыми метелками цвѣтовъ, потомъ хвощъ (*Equisetum polustre*), въ видѣ маленькой сосенки, который вмѣстѣ съ осокой и нѣкоторыми другими своими собратіями забирается и на берегъ.

Свѣжій, вѣтерокъ и длинныя тѣни прибрежныхъ ивъ и ольхи напоминаютъ намъ, что солнце садится, и пора возвращаться домой.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Хвощъ.

За счастьемъ.

Часть II.

I.

Покровитель.

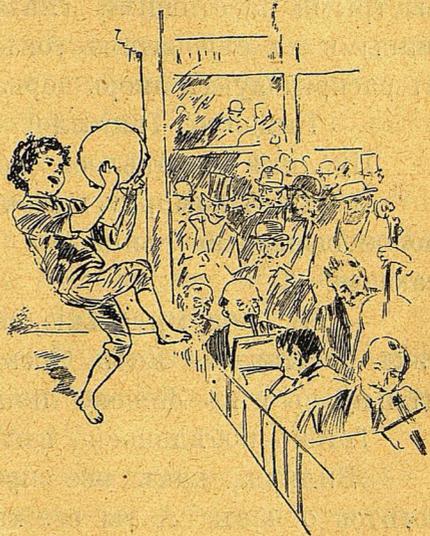
ТОТОНО позѣвывалъ въ углу. Таніэлло задремалъ, свернувшись въ комочекъ. Онъ положилъ голову на лапы Прыгуна. Собака лежала, насторожившись. Съ открытыми глазами она прислушивалась къ знакомому, слегка охрипшему голосу, пѣвшему пѣсню въ столовой гостиницы.

Пѣсня кончилась. Раздались шумные аплодисменты. Измученный Дженарино вошелъ въ темную прихожую, гдѣ его поджидали товарищи. Онъ тяжело дышалъ. На лбу его блестѣли капли пота, а глаза покраснѣли отъ непривычнаго яркаго освѣщенія. Его заставили повторить пѣсню четыре раза. Измученный, онъ повалился на подушки, сложенные грудой въ углу каморки и оттуда съ горькой усмѣшкой смотрѣлъ на товарищей.

Горько стало отъ этого взгляда Тотона.

— Это я во всемъ виноватъ,—подумалъ онъ.

А Дженарино между тѣмъ говорилъ:

Его заставили повторить пѣсню четыре раза.

— Все равно, конецъ одинъ. Не сегодня, такъ завтра это вѣчное пѣнье разобьетъ мнѣ грудь. Нашъ новый благодѣтель замучитъ насъ до смерти.

У Тотоно не было словъ, чтобы возразить товарищу, и онъ молчалъ.

Въ это время изъ зала раздались звуки вальса, и слышалось женское пѣнье, походившее на кошачье мяуканье. Въ каморкѣ все стихло.

Когда пѣніе кончилось, дверь отворилась, и на порогѣ показался очень высокій человѣкъ, съ длинной бородой и съ быстрыми блестящими глазами, которые казались особенно живыми на сѣроватомъ тонѣ его кожи. Вмѣстѣ съ вошедшимъ, въ раскрывшуюся дверь ворвались голоса:

— Таниэлло! Таниэлло!

Публикѣ захотѣлось послушать его пѣніе.

Войдя въ каморку, высокій человѣкъ сразу перемѣнилъ суровое выраженіе лица на приторно-добродушное и заискивающее.

— Ну, мои миленькіе, публика увлечена вами. А деньги такъ и сыпятся. Если такъ пойдетъ дальше, то черезъ недѣльку вы и въ Женеву двинетесь.

Тотоно побѣдоносно взглянулъ на Дженарино.

„Видишь, какъ все прекрасно идетъ. И какъ онъ заботится о насъ. А ты все хнычешь и жалуешься“, говорилъ этотъ взглядъ.

А человѣкъ съ бородой, подойдя къ спавшему Таниэлло, наклонился къ нему и старался разбудить, поглаживая рукой его бѣлокурыя кудри. Таниэлло проснулся, вскочилъ, но со сна ничего не понималъ.

— Ну, малышъ, теперь твоя очередь. Публика тебя требуетъ. Слышишь?

Въ залѣ шумъ и крики все усиливались. Таніэлло поплелся на эстраду. Дженарино и Тотоно остались съ Прыгуномъ. Собака была мрачно настроена. Когда уходилъ Таніэлло, она не пошевелилась, только проводила его тоскливыми глазами.

Дженарино пристально смотрѣлъ на Тотоно. Онъ не говорилъ ни слова, но уже обдумывалъ, что бы такое сдѣлать, что бы выручить и себя, и товарищей изъ невозможнаго положенія.

Опять спорить съ Тотоно? Но онъ зналъ, что это ни къ чему не поведетъ. Чтобы попасть въ Женеву, Тотоно согласился бы работать и еще больше, чѣмъ они теперь работали. Ихъ новый покровитель отлично это понималъ и, благодаря этому, сумѣлъ прибрать къ рукамъ Тотоно. Тотъ ему вѣрилъ и дѣлалъ все, что отъ него требовали.

Каждый вечеръ мальчики выступали на эстрадѣ ресторана, каждый вечеръ они пѣли до полного изнеможенія, надрывая свои голоса. Нѣтъ, имъ отсюда уже не выбраться. Нечего и мечтать объ этомъ. Здѣсь они и умрутъ!

Уныніе охватило Дженарино. Мужество покинуло его. За послѣдніе дни онъ убѣдился, что они попали въ западню.

Двѣ недѣли, какъ они въ Римѣ!

Пріѣхали вечеромъ. Вышли съ вокзала и все шли, шли... Шли подъ руку по незнакомымъ, многочисленнымъ и шумнымъ улицамъ. Шли ошеломленные, растерянные, съ собакой позади. И Прыгунъ тоже растерялся. Постоянно попадалъ прохожимъ подъ ноги, и не переставая, подвизгивалъ отъ получаемыхъ пинковъ. Наконецъ, пройдя какую-то длинную-длинную улицу, вышли они на площадь. Мимо нихъ проносились экипажи, трамваи, омнибусы.

Съ площади, слѣдуя общему теченію, они попали на

большую улицу съ прекрасными магазинами, кофейнями, кондитерскими и ресторанами.

Здѣсь они совсѣмъ растерялись. Но потомъ, на слѣдующей площади уже настолько оправались и пришли въ себя, что у Дженарино даже явилась блестящая мысль: онъ предложилъ товарищамъ дать небольшой концертъ.

— Какъ—здѣсь? Выступить съ нашимъ брянчаньемъ на этой великолѣпной площади?

— Кто знаетъ! Можетъ быть и здѣсь намъ повезетъ не меньше, чѣмъ въ Капуѣ.

— Но, вѣдь, это Римъ. Римъ, а не Капуа. Здѣсь никто и слушать то насъ не захочетъ.

Но Дженарино, не обращая вниманія на возраженія, рѣшительно остановился напротивъ одного изъ ресторановъ и вынулъ свой инструментъ. Дѣлать было нечего. Таніэлло и Тотоно тоже взяли за инструменты. Вокругъ маленькихъ музыкантовъ въ одинъ мигъ собралась цѣлая толпа уличныхъ мальчишекъ. Веселая неаполитанская пѣсенка понравилась. Мальчишки стали подпѣвать, приплясывать. Когда пѣвцы кончили, ихъ просили повторить. Ободренные успѣхомъ, они спѣли еще лучше, чѣмъ въ первый разъ, а потомъ, сунувъ Прыгуну въ зубы подносъ, отправили его собирать деньги.

Въ это время изъ ресторана вышли господа взглянуть на маленькихъ пѣвцовъ. Чувствовалось, что мальчишки всѣхъ заинтересовали, всѣмъ понравились. Прыгунъ собралъ довольно много денегъ.

Тотоно торжествовалъ.

— Видите! И здѣсь мы недурно начали. Прыгунъ собралъ больше трехъ лиръ.

Концертъ продолжался.

Въ это время изъ толпы отдѣлилась длинная, какъ жердь, фигура челоуѣка съ большой бородой. Онъ подошелъ къ мальчикамъ, сталъ ихъ хвалить, спрашивать. Онъ хотѣлъ знать, откуда они, кто училъ ихъ пѣть?

И они въ одинъ голосъ отвѣчали:

— Только что приѣхали прямо изъ Неаполя. Родныхъ и знакомыхъ ни души, а разныхъ пѣсенъ, фокусовъ и всевозможныхъ представлений знаемъ тѣму-тѣму-щую... Вчера вечеромъ въ Капуѣ...

Здѣсь Дженарино увлекся. Разказалъ все, со всѣми подробностями. Не забылъ ничего.

— Пойдемте-ка со мной, — перебилъ его вдругъ незнакомецъ. — Я графъ изъ Венеціи, но путешествую инкогнито (скрывая свое настоящее имя). Выдаю себя за артиста.

— Артистъ? Значить, какъ мы? — обрадовались мальчики.

— Да, да. Совсѣмъ, какъ вы. Значить, согласны?

— О, конечно, согласны. Мы слѣдуемъ за вами, графъ. Вотъ тутъ-то все и началось.

Они ужинали. Хорошо поѣли. Потомъ покровитель проводилъ ихъ въ ближайшую отъ станціи гостиницу.

На другое утро они проснулись бодрые, радостные. Чего только не наобѣщаль имъ графъ! Какъ только узналъ, что мальчики направляются въ Женеву, сталъ имъ объяснять, что Швейцарія совсѣмъ не такъ ужъ близко, какъ они думаютъ.

Изъ толпы отдѣлилась длинная, какъ жердь, фигура челоуѣка съ большой бородой.

Чтобы доѣхать до Женевы, нужно имѣть денегъ гораздо больше того, что они заработали въ Капуѣ.

Графъ отобралъ у мальчиковъ мѣшечекъ съ деньгами. Сказалъ, что беретъ его на храненіе и увѣрялъ, что они очень скоро заработаютъ еще гораздо больше. Заботы о помѣщеніи и пропитаніи онъ бралъ на себя.

Прежде всего надо было позаботиться о хорошемъ заработкѣ. Когда денегъ наберется достаточно, онъ самъ отправитъ ихъ въ Женеву.

Въ сумеркахъ графъ вернулся и весело крикнулъ мальчикамъ:

— Вотъ все и устроено. Вы будете пѣть въ чудномъ ресторанѣ.

И онъ обнялъ ихъ всѣхъ троихъ съ Прыгуномъ вмѣстѣ.

— Да здравствуетъ нашъ графъ! — закричали, ничего не подозревавшіе, мальчуганы.

Графъ настоялъ на томъ, чтобы они перемѣнили свои костюмы. Одѣлись бы, какъ одѣваются настоящіе господа.

Вечеромъ, умытые, причесанные, нарядные, они вмѣстѣ съ покровителемъ явились на свой первый концертъ.

Концертъ имѣлъ огромный успѣхъ. Имъ пришлось повторять каждую вещь по нѣсколько разъ. Особенно всѣмъ понравились „смѣшныя сценки“. Ихъ пришлось повторять безъ конца. Только въ полночь, изнемогая отъ усталости, мальчики добрались до постели.

Покровитель былъ безконечно ласковъ и до небесъ превозносилъ ихъ удивительныя способности. Но, когда мальчики спросили, каковъ былъ сборъ съ концерта, онъ рѣзко отвѣтилъ:

— Это васъ совсѣмъ не касается. Думайте пока только о томъ, чтобы ѣсть, спать и быть какъ можно веселѣе.

— И работайте безъ устали,—сквозь зубы проворчалъ Дженарино.

Тотоно былъ удовлетворенъ отвѣтомъ покровителя. Замѣчаніе Дженарино ему не понравилось.

А черезъ пять дней мальчики просто изнемогали отъ новой жизни. Каждый вечеръ публика требовала отъ нихъ слишкомъ многого. До пяти разъ приходилось имъ повторять почти каждую пѣсню. Они танцовали и пѣли, пока, наконецъ, не падали отъ усталости. Они задыхались въ душномъ, набитомъ людьми залѣ, пропитанномъ запахами всевозможныхъ кушаній.

Двѣ недѣли такой жизни замучили ихъ совершенно.

II.

Потрясающее открытіе.

Таниэлло ушелъ съ графомъ въ ресторана. Оставшись наединѣ съ Дженарино, Тотоно рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы разсѣять сомнѣнія товарища:

— Видѣлъ? Слышалъ? Повѣрилъ, наконецъ, что онъ хочетъ намъ только добра?

— Какой же ты дуракъ, какъ я погляжу,—презрительно отозвался Дженарино.

— Однако, если ты еще будешь ругаться, то это добромъ не кончится. Берегись!

— А всетаки я повторяю, что этому графу я не вѣрю. Ты только взглядишь хорошенько въ его фізіономію. Лицо у него прескверное.

— О!—началъ было Тотоно.

— Никакихъ ни „о“, ни „а“,—оборвалъ его Дженарино.— Мы съ Таниэлло ему не вѣримъ.

— Такъ вотъ оно что! Цѣлый заговоръ за моей спиной! — сердито закричалъ Тотоно.

— Ахъ, какой тамъ заговоръ! Только такой дурачина, какъ ты, можетъ не видѣть того, что ясно, какъ Божій день.

— Прошу быть повѣжливѣе, — закричалъ Тотоно, наступая на Дженарино.

Прыгунъ быстро вскочилъ на ноги, точно торопясь помирить своихъ друзей.

— Что ты намѣренъ сдѣлать? — сурово спросилъ Тотоно, подойдя вплотную къ Дженарино и пронизывая его злобнымъ взглядомъ.

— Ну, и рожа у тебя. Не лучше, чѣмъ у твоего графа! — заявилъ Дженарино.

Они уже готовы были пустить въ ходъ кулаки, когда вдругъ услышали за собой незнакомый голосъ:

— Тише, вы! Чего расшумѣлись?

На порогѣ стоялъ ресторанный лакей. Лицо у него было открытое и очень добродушное.

Грустно поглядѣвъ на мальчиковъ, онъ спросилъ:

— Изъ-за чего это вы собирались драться?

— Синьоръ Либерти... — началъ Дженарино.

— Замолчи: объясню я, — перебилъ его Тотоно.

— Нѣтъ, синьоръ, я долженъ рассказать первый...

— Я старшій! Я начинаю...

— Хорошо, хорошо. Начинай, Тотоно.

— Видите, въ чемъ дѣло, синьоръ Станиславъ: этотъ дурачина...

— Ого! Неизвѣстно, кто еще изъ насъ двоихъ дурачина, — оборвалъ его Дженарино. — Думается мнѣ, что это ты.

— Тише, вы! Продолжай, Тотоно. Только не оскорбляй товарища.

— Нѣтъ, вы только подумайте: онъ называетъ нашего покровителя плутомъ, а я утверждаю, что онъ относится къ намъ не хуже отца родного.—И, обернувшись къ Дженарино, спросилъ:—Нѣтъ, ты только скажи, оселъ ты этакій, что дѣлали бы мы въ Римѣ безъ графа?

Здѣсь они чуть опять не разодрались.

— Но о какомъ это графѣ вы все болтаете, глупыши?—спросилъ ихъ лакей.—Это вы вашего длинноногаго величаете графомъ? Придумали тоже.

И, обратившись къ Тотоно, онъ прибавилъ:

— Твой товарищъ, мальчуганъ, куда догадливъе тебя.

— Не можетъ быть. Я ему вѣрю...—бормоталъ смущенный Тотоно.

Дженарино бросилъ на него торжествующій и уничтожающій взглядъ. Лакей подошелъ къ дверямъ и плотно ихъ притворилъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы ихъ слышали.

— А вы и не подозреваете, что васъ еще ожидаетъ.

— Что такое?—испуганно спросилъ Дженарино.

— А то, что вашъ графъ задумалъ васъ увезти въ Америку...

— Въ Америку! Нѣтъ, онъ везетъ насъ въ Женеву,—перебилъ лакея Тотоно.

— Въ Женеву! — горько усмѣхнулся лакей. — Какъ же, попадете вы съ нимъ въ Швейцарію. Черезъ три мѣсяца онъ будетъ съ вами въ Америкѣ. Денегъ, благодаря вамъ, онъ за это время наберетъ порядочно. вмѣстѣ съ тѣми, которыя вы ему отдали на храненіе, ему хватитъ и на проѣздъ, и на первое устройство. Знаете вы, сколько вамъ дадутъ за выходъ?

— Ничего не знаемъ. Онъ же не говоритъ.

— Ну, такъ слушайте. Съ перваго же дня вамъ платятъ

пятнадцать лиръ за вечеръ. И такъ будутъ платить мѣсяцъ, а на второй дадутъ уже по тридцати. Хозяину не жалко прибавить. Вы нравитесь публикѣ.

Мальчики только раскрыли рты отъ изумленія и, молча, переглянулись. Говорить они не могли.

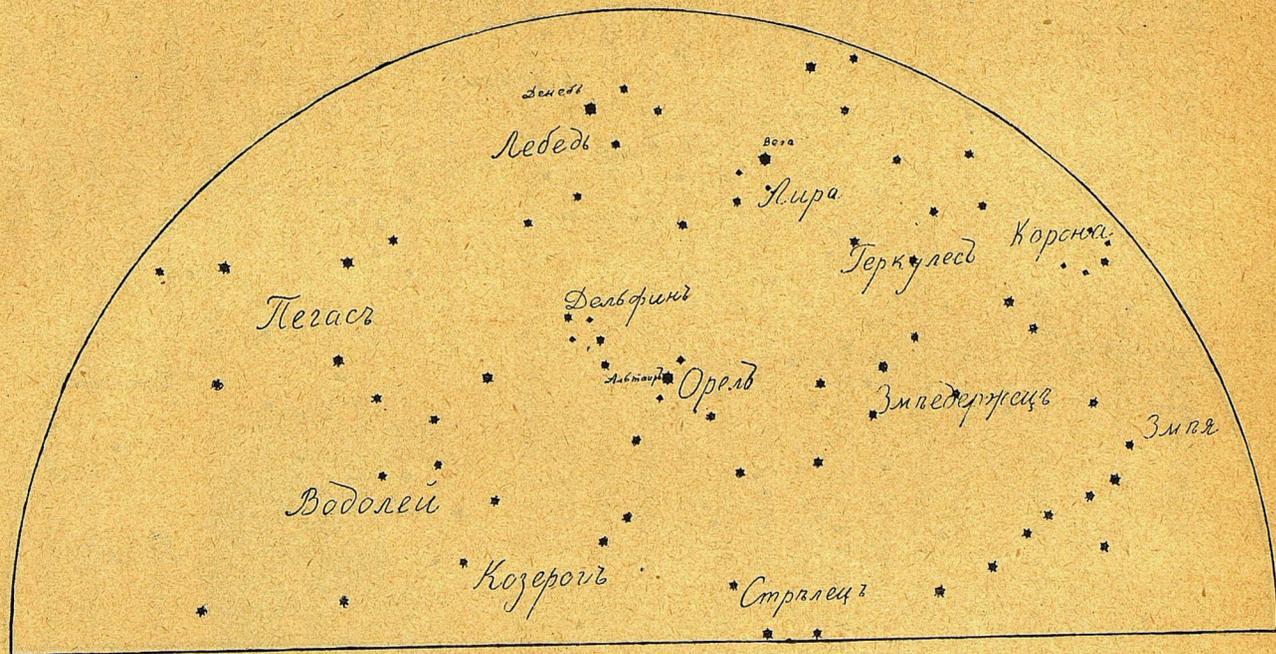
— И вотъ, изъ Рима вашъ графъ увезетъ васъ въ Америку и тамъ уже будетъ дѣлать съ вами все, что ему вздумается. О, вотъ тамъ онъ заставитъ васъ работать во всю. А потомъ, когда онъ получитъ отъ васъ все, что ему нужно, онъ васъ просто-напросто броситъ. Вышвырнетъ на улицу въ незнакомомъ городѣ, и дѣлайте тамъ, что знаете.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Астрономическія карты.

ТЕМНЫЕ августовскіе вечера будутъ очень удобны для изученія неба. Опять можно будетъ наблюдать на небѣ даже мелкія звѣздочки. На нашихъ картахъ изображены 24 созвѣздія; среди нихъ мы найдемъ и нѣсколько новыхъ, которыя бываютъ видны на нашемъ полѣ только лѣтомъ, напримеръ: Водолей, Козерогъ, Стрѣлецъ; остальные созвѣздія мы уже знаемъ по весеннимъ картамъ. На сѣверо-востокѣ, очень низко, у самаго горизонта мы найдемъ и нашего стараго знакомца — Сатурна; если мы поглядимъ на старыя, весеннія карты, мы замѣтимъ, какъ медленно передвигается по небу Сатурнъ: прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а онъ все еще держится недалеко отъ Плеядъ.

Южное небо.

Востокъ.

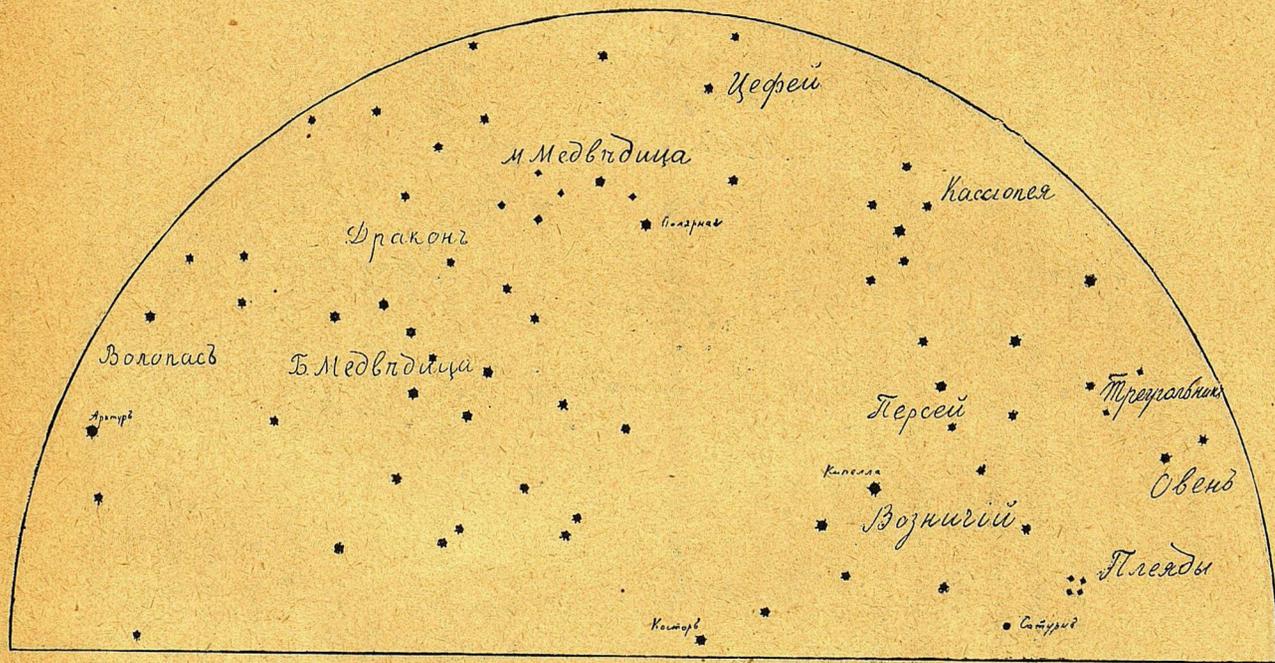
Юго-Востокъ.

Югъ.

Юго-Западъ.

Западъ.

Сѣверное небо.

Западъ.

Сѣверо-Западъ.

Сѣверъ.

Сѣверо-Востокъ.

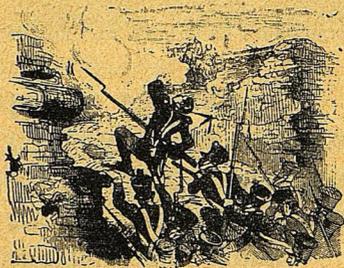
Востокъ.

Историческій календарь.

4 августа 1812 года Наполеонъ подошелъ къ Смоленску. Ожидая французовъ, часть жителей выѣхала изъ города. Остались тѣ, кто не могъ выѣхать или не хотѣлъ, надѣясь, что князь Багратіонъ съ Барклаемъ-де-Толли отстоятъ городъ.

Настроеніе у всѣхъ было довольно бодрое. Вспоминали войну съ поляками ровно 200 лѣтъ тому назадъ:—Ужъ на что плохо тогда приходилось, а и то отстояли родину. Россія не гнѣздо,—сразу ее не разворишь. А спаслись тогда тѣмъ, что всѣ, какъ одинъ человекъ, поднялись на врага. Смоленскъ нашъ тогда призывную грамоту москвичамъ послалъ: „Встаньте всею землею за вѣру праотцевъ!“ Въ лихолѣтье первое ополченіе кто выставилъ?—Смоленскъ. Тогда не сплеховали, неужто же теперь поддадимся!—Такіе разговоры слышались въ домахъ и на малолюдныхъ улицахъ. Всѣ готовились къ бою. Вооружались. Когда разглядѣли огромную вражескую силу, немного смутились, но вспомнили князя Багратіона и Барклая-де-Толли и ободрились.

4 августа былъ какъ разъ день именинъ Наполеона. Смоленскія городскія стѣны, выстроенныя еще при царѣ Борисѣ Годуновѣ, показались французамъ съ виду еще болѣе ветхими, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Нѣсколькимъ смѣльчакамъ пришла мысль, не дожидаясь настоящаго сраженія, завладѣть городомъ и поднести его, какъ именинный подарокъ, императору. Но добраться до стѣнъ оказалось не такъ просто. Непрiятельскому отряду пришлось отступить.

Приступъ.

На другой день, съ четырехъ часовъ утра, французы принялись за городъ уже по серьезному. Громили они его двое сутокъ. Гранаты и ядра свистѣли и лопались на улицахъ. Пороховой дымъ туманомъ всталъ надъ городомъ. Отъ бомбъ загорались дома, церкви. Пожаръ охватилъ Смоленскъ.

Когда стало ясно, что отъ города скоро останутся однѣ развалины, биться уже не за что, — войска отступили.

Часть жителей погибла во время осады, остальная бѣжала. Чудотворную икону Смоленской Божьей Матери вынесли ночью. За ней, въ ужасѣ и съ рыданіями, ушли послѣдніе жители.

Наполеонъ на башнѣ въ Смоленскѣ.

Тогда французы вошли въ Смоленскъ. Кругомъ были однѣ развалины и пожарище. Улицы были завалены убитыми и ранеными.

Наполеонъ поднялся на одну изъ уцѣлѣвшихъ башенъ разрушенной городской стѣны и въ подзорную трубу захотѣлъ лично обозрѣть позиціи русскихъ войскъ; но въ окрестностяхъ Смоленска русскихъ уже не было.

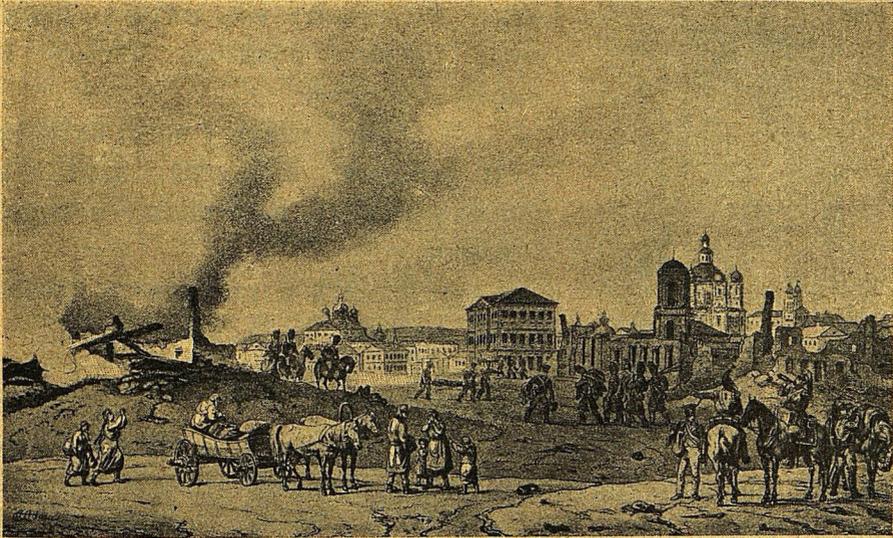
Поживиться въ городѣ врагу ничѣмъ не пришлось. А недостатокъ въ пищѣ у французовъ былъ большой. Приходилось ѣсть даже мертвечину. Солдатъ кормили мясомъ павшихъ лошадей.

Наполеонъ призадумался. Попытался заговорить о мирѣ но отвѣта никакого не получилъ.

— Мы зашли слишкомъ далеко, — сказалъ онъ. — Отступать нельзя. Идемъ въ Москву!

И онъ двинулся догонять отступавшую русскую армію. Остановить войну уже никто не могъ.

Отовсюду, изъ городовъ, сель, деревень, подымался народъ. Помѣщики, купцы, крестьяне — всѣ шли въ ополченіе. Любовь къ родинѣ, желаніе отомстить за ея раззореніе и униженіе дѣлало воиномъ cadaго. Когда не хватало оружія, вооружались всѣмъ, что только было подъ рукой: косами,

Смоленскъ послѣ нашествія на него французовъ.

серпами, ножами, вилами. Отступать больше никто не хотѣлъ. И солдаты, и ополченцы рвались въ бой, возмущались, что боя все нѣтъ. Негодовали на сдачу Смоленска. Спрашивали:— Неужели и матушку-Москву отдадутъ безъ боя?

И вдругъ пронеслась вѣсть, что главнокомандующимъ надъ всей русской арміей государь назначилъ князя Михаила Илларионовича Кутузова.

Князю Кутузову было уже 67 лѣтъ, но одно его имя одушевило и точно воскресило всѣхъ.—Спаси насъ! Россію

спаси!—со слезами кричалъ ему народъ, толпами выходявшій на дорогу, по которой онъ ѣхалъ къ арміи.

Генералы и офицеры поздравляли другъ друга съ его назначеніемъ. Старые солдаты екатерининскихъ временъ раз-

Графъ Кутузовъ-Смоленскій.

сказывали молодымъ о своихъ походахъ съ Кутузовымъ, вспоминали, какъ въ одномъ изъ нихъ ружейная пуля прошла насквозь черезъ оба виска генерала.

— Одинъ глазъ у него, батюшки, чуть усидѣлъ, а другой, какъ воробей изъ гнѣзда, вылетѣлъ,—говорили старики.

— Да онъ и съ однимъ глазомъ врага навѣрняка бьетъ.

— Не поздоровилось отъ него туркамъ.

— Что и говорить. Напугалъ ихъ здорово генераль. На миръ пошли. А намъ это и на руку. Съ турками самое время кончать было. Теперь нашъ генераль по своему ужъ за французовъ примется.

— Не сдобровать имъ!

— Ужъ онъ отступить не станетъ!

— Не таковскій онъ, чтобы отступить! Одно слово: идетъ Кутузовъ бить французовъ!

17 августа Кутузовъ прибылъ къ арміи.

Увидѣвъ выставленный для него почетный карауль, онъ вышелъ изъ коляски и, поздоровавшись съ войскомъ, воскликнулъ:

— Можно ли отступить съ такими молодцами?—Но отступить все таки пришлось. Мѣсто для боя было не подходящее. Рѣшили остановиться тамъ, гдѣ будетъ удобнѣе.

Къ Кутузову скоро присоединился Милорадовичъ, съ войскомъ, а около Можайска къ нимъ пристало первое народное ополченіе, ратники въ сѣрыхъ кафтанахъ съ крестами на шапкахъ.

Наконецъ, удобное мѣсто для сраженія было избрано. Остановились подъ Бородинымъ. Да и отступать было уже некуда. Дальше, въ 100 верстахъ, была Москва.

26 августа произошло знаменитое Бородинское сраженіе. Наполеонъ передъ нимъ не спалъ цѣлую ночь. Ему все казалось, что боя и теперъ не будетъ, и онъ нѣсколько разъ посылалъ узнавать, не уходятъ ли опять русскіе. Но они не уходили. У нихъ, какъ и у французовъ, цѣлую ночь горѣли огни, заревомъ освѣщая небо. Солдаты готовились къ бою, какъ къ празднику. Принаряживались, чистили мундиры, острили штыки, бѣлили портупей. Прислушивались къ доносившимся до нихъ изъ французскаго лагеря разноязычнымъ пѣснямъ. Тамъ шумѣли и веселились всю ночь. У насъ было тихо. Позади былъ: разоренный Смоленскъ, впереди—Москва, за судьбу которой у каждого сжималось сердце. Не до веселья было.

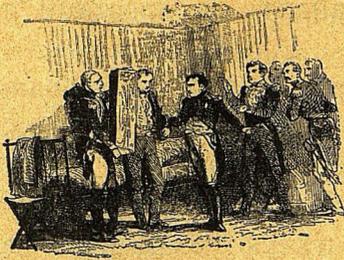
Утро 26 августа занялось холодное, пасмурное и туманное. Наполеонъ всталъ на зарѣ. Наканунѣ онъ получилъ отъ императрицы портретъ своего сына, короля римскаго, какъ онъ его называлъ. Этотъ портретъ Наполеонъ приказалъ вынести и показать войскамъ. Радостные клики, звуки музыки и трескъ барабановъ огласили воздухъ. Потомъ все сразу смолкло. Заговорилъ императоръ.

— Солдаты, — сказалъ онъ, — наступаетъ сраженіе, котораго вы давно желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она дастъ вамъ хорошія зимнія квартиры, скорое возвращеніе въ отечество. О васъ будутъ говорить: „Онъ былъ въ сраженіи подъ Москвой“;

— Да здравствует императоръ! Мы взяли Вѣну, Берлинъ, Римъ, Неаполь. Возьмемъ и Москву,—раздалось ему въ отвѣтъ.

И опять музыка, барабаны, крики.

А у русскихъ въ это время служили молебень. Передъ рядами уже выстроившагося къ бою войска проносили чудотворныя иконы. Пронесли и спасенный отъ врага образъ Смоленской Божьей Матери. Священники кропили солдатъ святою водою.

Наполеону показываютъ портретъ его сына.

Туманъ разсѣялся. Проглянуло солнце. Заблестѣли пушки, ружья, штыки.

Драгунъ.

Гренадеры.

Наполеонъ сквозь зубы напѣвалъ свою любимую пѣсенку: „La victoire, en chantant, nous ouvre la barrière“. (Побѣда пѣснь поетъ и путь намъ открываетъ).

Потомъ онъ остановился, сдѣлалъ знакъ рукою, и сразу все стихло.

Черезъ минуту грянули пушки. Начался бой.

Это былъ ураганъ изъ чугуна и свинца. Онъ продолжался съ шести часовъ утра до вечера, до темноты. Сражавшіеся такъ ожесточились, что постепенно бросали оружіе, шли въ штыки, а потомъ въ рукопашную, сцѣплялись, рвали, душили другъ друга и вмѣстѣ падали мертвыми. Артиллерія скакала по трупамъ, какъ по мостовой, вдавливая ихъ въ землю, упитанную кровью. Люди подъ конецъ такъ перемѣшались, что уже нельзя было отличить французовъ отъ русскихъ. Воины до того стѣснились, что, умирая, не имѣли мѣста, гдѣ упасть на землю. Раскаленные пушки лопались. Пороховые ящики взлетали на воздухъ. Крики, вопли отчаянія на разныхъ языкахъ, пальба, барабанный бой—все смѣшалось. Земля почернѣла отъ крови. Стемнѣло, когда прекратился бой. Прекратился, потому что всѣ изнемогли.

Русскіе потеряли въ этомъ сраженіи около 60 тысячъ убитыми, у французовъ погибло около пятидесяти тысячъ и 43 генерала. Съ нашей стороны убито 20 генераловъ, и въ томъ числѣ былъ смертельно раненъ князь Багратионъ. Плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ было около тысячи. Бились на смерть, и живымъ въ руки почти никто не дался.

— Никогда еще я не видалъ такого кроваваго и героическаго сраженія, — говорилъ на другой день послѣ битвы Наполеонъ.

Онъ выѣхалъ на своемъ бѣломъ арабскомъ конѣ „Ефратъ“ посмотрѣть на ужасное поле битвы. 60 тысячъ пушечныхъ снарядовъ и 1¹/₂ милліона пуль упало на него за вчерашній день. Вся земля была изрыта ядрами и покрыта трупами людей и лошадей. Много было раненыхъ, умирающихъ. Живой лежалъ подъ мертвымъ. Побѣдитель на побѣжденномъ. Ране-

ные ползали по землѣ и со стопами молили, чтобы ихъ добили. Наполеонъ остановился. Первый разъ почувствовалъ онъ весь ужасъ войны. Русскіе отступили, но настоящей побѣды, которая ликоваіемъ заглушаетъ людскія страданія и заставляетъ забывать даже о смерти, — такой побѣды не было. Не было ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. Были мертвые, раненые, искалѣченные, были живые, уставшіе калѣчить и убивать.

И тотъ, кто вызвалъ весь этотъ ужасъ, медленно объѣзжалъ страшное поле на своемъ блѣдомъ конѣ. Вылъ вѣтеръ. Тучи ходили по небу. Начинаясь дождь. Мрачно было лицо императора.

И вдругъ оно прояснилось.

— Москва! Москва! — почти крикнулъ онъ.

Онъ еще вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду.

Бородинское поле послѣ битвы.

Редант.-Издат.: П. Соловьева и Н. Манаскина.

Соловьева П. С. (Allegro) „Елка“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками. 3-е изданіе
Цѣна въ обложкѣ 35 к., въ переплетѣ 65 к.

ОДОВРЕНО для учебн. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для учебн. библ. низшихъ
учебн. завед. и дѣтскихъ пріготовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*
Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. библ. низшихъ учебныхъ.

Соловьева П. С. (Allegro) „Семимѣтна“. Народныя сказки. Съ рисунками. Цѣна въ
обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебныя библотеки низшихъ учеб-
ныхъ заведеній.

ОДОВРЕНО для учебн. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для учебн. библ. низшихъ
учебн. завед. и дѣтскихъ пріготовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*
Допущено въ ротныя библ. кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стих. Съ рисунок. Ц. 20 к.
ОДОВРЕНО для учебн. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для учебн. библ. низшихъ
учебн. завед. и дѣтскихъ пріготовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*
Допущено въ ротныя библотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Разгадай-ка!“ Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Цѣна 25 к.
Соловьева П. С. „Березинны именины“. Пьеса въ стих. Съ рисунок. автора. Цѣна 25 к.
ОДОВРЕНО для учебн. библ. низшихъ учебн. завед., пріготовъ, малолѣтн. отд. и пріготов. класс.
средн. уч. завед. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Allegro) „Няня“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 15 к.
Соловьева П. С. (Allegro) „Первое апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйств. Цѣна 10 к.
Соловьева П. С. (Allegro) „Чудесная ночь“. Пьеса въ стихахъ. Цѣна 20 коп.
ДОПУЩЕНО въ библ. низш. учебн. зав., пріготовъ, малолѣтн. отд. и пріготов. класс. средн. уч. зав.
Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.

Соловьева П. С. (Allegro) „Жизнь Хитролиса“. (Изъ старо-французскаго эпоса). Съ
рисунками Б. Рабье. Цѣна въ переплетѣ 2 р.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. библ. городскихъ училищъ и
привзано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи учебн.
библ. средн. учебн. завед.

ОДОВРЕНО для учебн. библ. низшихъ учебн. завед., прігот., малолѣтн. отдѣл. и пріготов. класс.
средн. учебн. завед. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Allegro) „Новый годъ“. Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Ц. 20 к.

Соловьева П. С. (Allegro) „Царевна Земляничка“. Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Ц. 30 к.

Франсъ Анатоль. „Пчелка“. Сказка. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к.

ОДОВРЕНО для учебн. библ. младш. возраста средн. учебн. заведеній и для учебн. библ. низш.
учебн. завед. и дѣтскихъ пріготовъ *Видомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. библ. низшихъ учебн. завед.

Шапиръ А. Н. „Люди и вѣтри“. Расказы. Съ рисунками. Цѣна 25 коп.

Шедеръ Е. I. „Пушкинскіе уголки“. Съ рисунками автора. Цѣна 20 коп.
ОДОВРЕНО для учебн. библ. младш. класс. средн. уч. зав. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Новыя изданія „Тропинки“.

Манасеина М. М. „Цербстоная принцесса“. Повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины II.
Съ иллюстраціями Т. Гипшусъ, портретами и снимками со стар. гравюръ. Цѣна въ
переплетѣ 2 р. 50 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ включенію въ списокъ книгъ,
заслуживающихъ вниманія при пополненіи учебн. библ. средн. учебн. заведеній.

Оду, Маргарита. „Пастушна“ Переводъ съ французскаго. Со снимками съ карт.
и рисунковъ Миллэ. Цѣна 30 к.

Соловьева П. С. „Дѣдушнине кольцо“. Пьеса въ стихахъ съ рисунок. автора. Цѣна 25 к.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы только въ томъ случаѣ,
если книга выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

7-й годъ
изданія.
12 книжекъ
въ годъ.

„ТРОПИНКА“

3 рубля съ
доставкой
въ годъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА.

Выходитъ 1—5 каждого мѣсяца въ 4—6 печатныхъ листовъ
(60 печатныхъ листовъ въ годъ).

Пробный № въ редакціи стоитъ 25 к., съ перес. 35 к., наложеннымъ
платежомъ не высылается.

Въ редакціи имѣются комплекты 1908, 1910 и 1911 гг. —
комплекты 1906, 1907 и 1909 гг. всё разошлись.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ:

Просимъ прочесть непременно.

Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ
редакцію и не позже срока полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовле-
творять не можетъ.

Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ
редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При
перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій уплачивается
20 к., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній, иногородняго
на петербургскій или иногородняго на иногородній уплачивается 40 к.
До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по
старому адресу.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по средамъ отъ 2 до 4 часовъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спб., Вознесенскій пр., № 36, кв. 26.

Телефонъ № 497-55.

Редакт.-Издат. *П. Соловьева и Н. Манасеина.*

Въ Москвѣ книги изданія „Тропинка“ продаются и подписка на жур-
наль „Тропинка“ принимается въ слѣдующихъ магазинахъ: „Наука“,
Б. Никитская, 10. Въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи. „Ступени
Знанія“, Мясницкая, 5, флиг. 6. Филимонова, Б. Никитская, 22.
